

References

1. Paleolog M. Ambassador's Diary. Moscow: Zakharov, 2003. 864 p. (In Russ.)
2. Alekseev N. N. *On the way to the future Russia (the Soviet system and its political possibilities). Russian people and state.* Moscow: Agraf; 1998. 640 p. (In Russ.)
3. Shatkovskaya T. V., Larina O. G. The concept of "property" in the Eurasian legal concept of N.N. Alekseev. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2020;(1):92–98. (In Russ.)
4. Shatkovskaya T. V., Burmistrov S. V. Theory and practice of legal nihilism in Russia: the experience of scientific explication. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2019;(4):15–24. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Professor of Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 40–47
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):40–47

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-40-47

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Зарианна Владимировна Соломко

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, solzary@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4088-6099>

Аннотация. Актуальность темы видится в том, что в постсоветский период произошло размытие критериев научной реконструкции и оценки проблем революции и контрреволюции в России. Цель работы – спровоцировать критическое осмысление состоявшегося методологического и идеологического поворота. По убеждению автора, обратной стороной реставрации консервативного и праволиберального историко-правового и теоретико-правового дискурса стал необоснованный отказ от принципов диалектического мышления в работах постсоветских авторов и, как следствие, реидеологизация историко-правовой сферы академического знания. Обосновывается идея о том, что современная научная оптика осмысления проблем революции и контрреволюции в России должна включать не только конкретное понимание сущности дореволюционного строя (зависимый периферийный капитализм), но и оценку противоборства революционного движения и царского режима с точки зрения конкретно понятого социального идеала, первые шаги которого в исторической практике нашли отражение в образах высокой культуры.

Ключевые слова: диалектико-материалистический метод, абстрактное и конкретное, идеология, консерватизм, либерализм, революционное движение, контрреформы, дореволюционный правопорядок, зависимый периферийный капитализм, социальный идеал, художественный образ

Для цитирования: Соломко З. В. К вопросу о критериях освещения проблем революции и контрреволюции в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-40-47>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR COVERING THE PROBLEMS OF REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION IN RUSSIA

Zarianna V. Solomko

Russian Academy of Justice, Moscow, Russia, solzary@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4088-6099>

Abstract. The relevance of the theme is seen in the fact that in the post-Soviet period there was a blurring of the criteria for scientific reconstruction and assessment of the problems of revolution and counter-revolution in Russia. The purpose of the work is to provoke a critical reflection on the methodological and ideological turn that has taken place. According to the author, the reverse side of the restoration of the conservative and right-wing liberal historical-legal and theoretical-legal discourse was the unreasonable rejection of the principles of dialectical thinking in the works of post-Soviet authors and, as a result, the re-ideologization of the historical-legal sphere of academic knowledge. The idea is substantiated that the modern scientific optics of understanding the problems of revolution and counter-revolution in Russia should include not only a specific understanding of the essence of the pre-revolutionary system (dependent peripheral capitalism), but also an assessment of the confrontation between the revolutionary movement and the tsarist regime from the point of view of a concretely understood social ideal. The first steps of this ideal in historical practice are reflected in the images of high culture.

Keywords: dialectical materialistic method, abstract and concrete, ideology, conservatism, liberalism, revolutionary movement, counter-reforms, pre-revolutionary legal order, dependent peripheral capitalism, social ideal, artistic image

For citation: Solomko Z. V. On the question of the criteria for covering the problems of revolution and counter-revolution in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):40–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-40-47>

Как писать о революции о контрреволюции? Полагаю, что для исследователя, который не поддался соблазнам разного рода неклассических и постклассических дискурсов с их релятивистским принципом «можно и так, а можно и этак» («мели, Емеля») и обладает минимальной культурой мышления, ответ на этот вопрос в общей форме довольно очевиден: мировая наука за тысячелетия своего развития выработала универсальный метод поиска научной истины, универсальный путь истинного мышления – метод диалектики. Универсальность и исключительность диалектики как всеобщего метода познания обуславливается, как известно, тем, что она в концентрированной форме выражает всеобщие законы развития и природы, и общества, и самого мышления.

Важнейшее требование, которое диалектика предъявляет к научному познанию – и в этом вопросе сходятся диалектики-материалисты и диалектики-идеалисты, – конкретность истины, восхождение от абстрактного к конкретному. Георг Гегель в эссе «Кто мыслит абстрактно?» показал убожество абстрактного ума, продемонстрировав, что мышление абстрактно мыслящего человека – это по своей сути мышление недалекой рыночной торговли [1]. Конкретное же мышление воссоздает изучаемое явление во всей целостности, во всей полноте его взаимосвязей.

Как писал один из самых глубоких знатоков марксистской диалектики в советской философии Эвальд Ильенков, восхождение от абстрактного к конкретному – это «последовательное

прослеживание связи частных («абстрактных моментов») друг с другом, объективно выделяющихся в составе целого. Это и есть движение от частного к общему – от частного, понимаемого как частичное, неполное, фрагментарное отражение целого, к общему, понимаемому как общая (взаимная) связь, сцепление этих частных в составе конкретно-определенного целого, как совокупность объективно необходимых и объективно синтезированных различных частей» [2, с. 291]. Необходимым условием «такого движения мысли является неперенное осознание – вначале очень общее и нерасчлененное – того целого, в рамках которого аналитически выделяются его абстрактные моменты. Этим логика Маркса – в качестве диалектической логики – принципиально отличается от логики дурного эмпиризма» [2, с. 291].

Конкретность истины не может быть достигнута, если познающий субъект не опирается на принципы развития (историзма) и всеобщей взаимосвязи, поскольку эти принципы, будучи органической частью диалектики, также отражают универсальные закономерности бытия самого объективного мира, частью которого является и исторический процесс развития государства и права в его эволюционной и революционной форме.

Путь восхождения от абстрактного к конкретному в общественных науках, в том числе в тех, которые принято именовать юридическими, оказывается заблокированным, если исследователь уходит от вопросов об основных детерминантах общественного развития, о том, как в общественном бытии соотносятся материя и сознание, какую роль играет в исторических процессах способ производства материальных благ, распределение в обществе собственности на средства производства и других важнейших социальных капиталов, борьба классовых сил и интересов.

Сложившиеся (или лучше сказать – реставрированные) в постсоветские десятилетия в российской академической юриспруденции консервативный историко-правовой и теоретико-правовой «дискурсы» с тесно примыкающим к ним праволиберальным «полем говорения», как правило, отвергают именно такой – диалектический – способ мышления о революции и контрреволюции – его адепты чаще всего демонстрируют устойчивую приверженность той самой методе мышления, которая и была так иронично изображена Гегелем в уже упомянутом эссе.

Таинственным образом из историко-правовых исследований и теоретико-правовых работ, затрагивающих проблему сущности и закономерностей функционирования дореволюционного государства и права, стали исчезать или вытесняться куда-то на обочину такие понятия, как способ производства материальных благ, эксплуатация, классы, классовая борьба. При этом постсоветские авторы не объяснили конкретно, почему нужно отказываться от диалектики и материализма, не доказали, что диалектика и принцип восхождения от абстрактного к конкретному себя каким-то образом дискредитировали, что не работает историко-материалистический подход, – они просто побежали от диалектико-материалистического анализа, как от чумы.

Получается, нужно просто поверить на слово, что марксизм якобы обнаружил свою несостоятельность и, следовательно, нужно уходить от «идеологизированных» позиций советской науки в некую «объективность», которая в действительности оказывается или набором оторванных от жизни абстракций, или реконструкцией право-консервативного или либерального мифа о дореволюционной и советской истории государства и права – «исторической России, которую мы потеряли» и на смену которой пришел «тоталитарный» / «неправовой» советский строй.

Отвергнув перспективу рассмотрения историко-правовых сюжетов с точки зрения диалектики и восхождения от абстрактного к конкретному, современные неоконсерваторы и некоторые представители либерального лагеря так «опростились», что находят возможным брать за главный или даже единственный критерий оценки исторических деятелей и движений пресловутую «законность» и идеологию «правового государства», причем в наиболее выхолощенном позитивистском виде: оказывается, что если революционеры, представители освободительного движения нарушали те или иные дореволюционные законы, то на них можно навесить ярлык «экстремисты», «террористы», «радикалы» и утверждать, что самодержавный режим действовал в своем праве, когда обрушивал на их головы мощь своей репрессивной машины, включая весь комплекс чрезвычайных мер. Политика царской власти

трактуются как не входившая в противоречие с направлением цивилизованного «правового развития», как такой самобытный путь становления «правового государства», который в конце концов эволюционным способом должен был вывести страну на «столбовую дорожку» мировой истории, – путь, с которого Россию преступным образом увели злодеи-большевики во главе с Лениным. К примеру, подобным пафосом проникнуто творчество правоведа А. Н. Верецагина, в том числе его недавно вышедшая монография о дореволюционном Сенате [3–5].

Еще один довольно известный историк права Н. И. Биюшкина так характеризует политику Александра III: «... комплекс правительственных мероприятий 1881-1895 гг., направленных на восстановление законности и правопорядка, экономического благосостояния и социальной стабильности в стране, представляет собой отнюдь не откат к патриархальной феодальной России, но коррекцию либерального курса Александра II с учетом сложившейся социально-экономической, политико-правовой ситуации в России на рубеже 70-80-х гг. XIX в.» [6, с. 211]. По мнению Н. И. Биюшкиной, необходимость именно в таком курсе, который проводил Александр III, обуславливалась тем, что в «предкоррекционный период» Россия была ввергнута в «пучину» терроризма, которая «оказывала парализующее воздействие на общество и государство и тем самым препятствовала нормальному функционированию их институтов» [6, с. 212]. Здесь, как и во многих других текстах представителей неоконсервативного направления, воспроизводится одна и та же довольно абстрактная схема: «правомерные» действия властей – своего рода самооборона – противопоставляются разгулу «революционного террора», участники которого оказываются какими-то бесами в духе Достоевского.

Тот факт, что в честной западной юридической науке сами буржуазные концепты «законности» и «правового государства» («правления права») давно рассматриваются как «фиговый лист» мейнстримной юридической идеологии [7–9], неоконсерваторами и либералами упорно игнорируется. Игнорируется апологетами дореволюционного «правового строя» и тот несомненный и давно доказанный факт, что разгул революционного террора к моменту начала контрреформ Александра III – это выдумки охранителей и что террор был спровоцирован репрессивной политикой самой власти, которая не считалась с народными нуждами и действовала в логике «шаг вперед – два шага назад». «Всего же за 6 лет своей “кровавой оргии” (1879–1884), – писал Н. А. Троицкий, – народовольцы казнили 6 (шесть) человек: императора Александра II, шефа тайной полиции Г.П. Судейкина, военного прокурора В. С. Стрельникова, двух шпионов (С. И. Прейма и Ф. А. Шкрябу) и одного предателя (А. Я. Жаркова). Во всех этих террористических актах, вместе взятых (включая 8 покушений на царя), участвовали 20 рядовых народовольцев, известных нам поименно, плюс члены и агенты ИК (всего – 36), которые, однако, занимались не столько террористической, сколько пропагандистской, агитационной, организаторской, издательской и прочей деятельностью. Между тем, за участие в делах “Народной воли” только с 1880 по 1884 гг. были репрессированы, по официальным данным, не менее 10 тыс. человек» [10].

Для создания благостной картины становления правового государства используется незатейливый способ «скрывать, показывая»: привлекают внимание к тем сюжетам, где суды воздерживались от двойных стандартов и следовали закону, но деликатно умалчивают об обратной практике, которая была распространена широко и повсеместно. Восхищаясь профессиональным и объективным правосудием по гражданским делам, где отсутствовал интерес государства и сутяжничали, как правило, примерно равные по своему статусу дворяне или буржуа, такой восторженный консерватор предпочитает обходить стороной, скажем, проблему правоприменительного произвола в волостных судах или в военных судах против гражданских лиц, ничего не хочет слышать про благосклонность юстиции к черносотенцам, погромщикам и провокаторам. Но чего стоит такая научная скрупулезность, когда, условно говоря, под лупой рассматривается каждая пуговица на мундире сенаторов, но при этом автор в упор не видит, что эти сенаторы лобызались с черносотенцами и сами ранее секли «жидов» и крестьян во время вымышленных бунтов? Ранее мне уже приходилось писать о том, что сама по себе идея о существовании в пореформенной России «правового строя» и становлении «правового государства» была мифом [11].

Скорбят консерваторы по высокопоставленным жертвам «террористических актов» народовольцев, рассуждают о «незаконности» вердикта по делу Веры Засулич, но молчат о загубленных жизнях рабочих и крестьян, счет которым шел на миллионы (если не забывать об использованных в качестве «пушечного мяса» на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн), остаются равнодушны к судьбе десятков тысяч мирных пропагандистов, которые подвергались репрессиям и лишались жизни или здоровья в царских застенках.

Консерваторы пытаются убедить нынешнее общественное сознание в том, что царская власть хотела идти и шла эволюционным путем по пути прогресса, а революционеры ее провоцировали на эскалацию и репрессии. Однако исторические факты указывают на обратное: хоть сколько-нибудь заметные либеральные реформы, не говоря уже о таких шагах, как отмена крепостного права или «дарование» Манифеста 17 октября 1905 г., происходили только под давлением «снизу». Как только это давление ослабевало или власти удавалось путем репрессий подавить сопротивление народа – тут же происходил откат и выхолащивание реформ. Вспомним хотя бы железобетонную установку Александра III по вопросу конституционного правления: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» [12, с. 299]. Характеризуя тот политический порядок, который установился после столь удачных «коррекционных» (в понимании наших консерваторов) мероприятий Александра III, ярый антикоммунист Р. Пайпс, писал: «“Государство” с тех пор понималось как царь и его чиновники, а внутренняя политика стала означать защиту оных от поползновений со стороны общества» [13, с. 398].

Еще пара красноречивых фактов, о которых напоминал Н. А. Троицкий и совсем не любят вспоминать те, кто теперь находят возможным навешивать на этого блестящего историка ярлыки и таким образом отмахиваться от его работ. На всеподданнейшем докладе об очень низкой грамотности в Тобольской губернии Александр III начертал резолюцию: «И слава Богу!» [12, с. 328]. Его же резолюция на судебном показании крестьянки М. А. Ананьиной о том, что ее сын хотел бы учиться в гимназии, гласила: «Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию!» [12, с. 327]. Благодаря такой политике в сфере образования, со всей откровенностью сформулированной в знаменитом «циркуляре о кухаркиных детях» 1887 г., к концу царствования Александра III Россия имела 80 % неграмотного населения [12, с. 6].

Современных апологетов дореволюционного правопорядка, по всей видимости, несколько не смущает, что в якобы формировавшемся «правовом государстве», по оценкам самих властей, за период действия Положения от 14 авг. 1881 г. выросло «целое поколение, которое не видало иного порядка поддержания общественного благоустройства и только по книгам» знало «об общих законах Российской империи» [14, с. 415], что крестьянин, как однажды точно подметил депутат третьей Думы М. Д. Чельшев, был допущен в земские учреждения «только для запаха» [14, с. 535], что вплоть до 1917 г. действовало сословное правосудие, а вплоть до Февральской революции в деревне сохранялась власть земских начальников – «излюбленных детей произвола», как их называл А. Ф. Кони.

Дурным тоном считается задавать вопросы о том, куда зашла и обречена была идти в перспективе страна с такой «законностью» и с таким представлением о цивилизованном развитии, – а ведь это принципиальный и один из важнейших в методологическом отношении вопросов: это одна из важнейших составляющих той самой «целостности», в свете которой, с точки зрения диалектики, и надлежит давать исторические оценки действиям революционеров и той власти, с которой они боролись.

Полагаю, – и мне уже тоже приходилось неоднократно об этом писать, – что наиболее конкретный ответ на этот вопрос дает современная марксистская теория глобального классового общества: дореволюционная Россия шла по пути зависимого периферийного капитализма и не имела никаких шансов «догнать Запад», то есть трансформироваться в государство ортокапиталистического (термин Ю. И. Семенова) типа. Существует целый массив заслуживающих полного доверия работ (А. Анфимов, И. Дойчер, А. Л. Сидоров, Б. Кагарлицкий, И. Маевский и др.), в которых доказано, что в конце XIX – начале XX вв. усугублялось технологическое отставание России от наиболее развитых стран и сформировалась критическая экономическая зависимость российской экономики от западного капитализма: Россия постепенно

превращалась в полуколониию. Отсюда – удвоенная эксплуатация производительного населения страны. Политической формой такого общества рано или поздно становится жесткий авторитарный режим, возможно даже фашистского типа, с компрадорской властью во главе.

И этой судьбы стране удалось избежать в начале XX в. только благодаря освободительному движению, прежде всего – благодаря большевикам. К 1917 году царский режим стал банкротом – и никто, кроме большевиков, не смог вывести страну из глубочайшего кризиса, в который ее затащили царские бюрократы и паразитический господствующий класс – не без помощи своей «законности», которая так мила сердцу нынешних консерваторов. Октябрьская революция совершила небывалое.

Лучшие умы человечества были правы, когда доказывали, что научная истина не может соответствовать своему понятию, если она не соединяется с моралью и художественными образами в некоем социальном идеале – целостном единстве истины, добра и красоты. Этот социальный идеал – явленная в ее конкретном виде (в той мере, в какой эта конкретность достижима на данном этапе исторического развития) новая норма социального бытия, неизбежно входящая в противоречие с наличной действительностью, отрицающая эту действительность.

К. П. Краковский, инициировавший эту дискуссию на страницах «Северо-Кавказского юридического вестника», обращается к идее Гегеля о всемирной истории как «прогнесе в сознании свободы» и приходит к выводу, что в качестве «общего мерила» для оценки исторических событий и деятелей, в том числе действий русских революционеров и царской власти, может быть принята такая ценность, как свобода: «Революционеры, как бы к ним кто не относился, как ни крути, борцы за свободу. Соответственно, государство, их подавляющее – противодействует движению общества к свободе...» [15, с. 157].

Однако думаю, что абстрактно понятая свобода – плохой помощник в деле таких оценок: нетрудно догадаться, что в представлении царской власти и тех, кто идеологически обосновывал необходимость контрреформенной политики и жестких репрессий против народа и революционного движения, проводимая царизмом политика вполне могла согласовываться с идеей продвижения по пути «свободы», точно так же, как великий диалектик Гегель не имел в этом отношении претензий к прусской монархии Фридриха II. Поэтому идеал свободы как критерий исторических оценок должен иметь какие-то более конкретные очертания.

И здесь нельзя не обратить внимания на то, что лучшие представители российской и мировой культуры – современники контрреформ и последовавших революционных событий в России – заняли в этом противостоянии между властью и народом, правительством и революционерами совсем не ту сторону, которую сейчас занимают певцы «утраченной исторической России».

«Рубеж века, – писал Шаламов, – был расцветом столетия, когда русская литература, философия, наука, мораль русского общества были подняты на высоту небывалую. Все, что накопил великий XIX век нравственно важного, сильного, – все было превращено в живое дело, в живую жизнь, в живой пример и брошено в последний бой против самодержавия. Жертвенность, самоотречение до безымянности – сколько террористов погибло, и никто не узнал их имена. Жертвенность столетия, нашедшего в сочетании слова и дела высшую свободу, высшую силу. Начинали с “не убий”, с “Бог есть любовь”, с вегетарианства, со служения ближнему. Нравственные требования и самоотверженность были столь велики, что лучшие из лучших, разочаровавшись в непротавлении, переходили от “не убий” к “актам”, брались за револьверы, за бомбы, за динамит» [16, с. 237–238].

И в этом революционном движении, которому горячо сочувствовали такие люди, как Л. Толстой, В. Короленко, А. Франс, М. Твен, стали различимы первые шаги того социального идеала, который впервые когда-то был сформулирован в раннем христианстве, а затем получил наиболее конкретное теоретическое развитие в марксизме. Самый талантливый российский поэт Серебряного века, Александр Блок, в поэме «Двенадцать» создал лучший художественный образ этого великого исторического поворота. И значение этого поворота намного масштабнее, чем может представляться с узко-прагматической точки зрения буржуазной историографии.

«Октябрьская революция, – писал М. Лифшиц, – со всеми ее испытаниями, со всеми ее противоречиями и со всей суровостью того пути, который пришлось пройти нашему народу, больше двинула человечество, чем гуманные речи мирных социалистов. Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую исступленно ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесенных нашим народом для общего дела социализма» [17]. Если закрывать глаза на эту истину, давая оценку «старому режиму» и тем, кто сделал главным делом своей жизни борьбу с ним, то воссозданная историческая картина окажется весьма превратной и пошлой.

Если анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, то коммунистический идеал, в том числе в своем реальном движении, в своем явленном виде – том, который сумели различить, например, Александр Блок, Кузьма Петров-Водкин и Андрей Платонов, – это ключ к пониманию истории всех революций и контрреволюций Нового и Новейшего времени. Чуткий к этой диалектике Чайна Мьевиль именно в таком духе пишет о русской революции в своей книге «Октябрь» [18], продолжая традицию таких лучших представителей западной культуры XX века, как Г. Лукач и П. Пазолини. С такой оптикой встречается читатель и в работах таких исследователей, как Николай Алексеевич Троицкий, Владлен Терентьевич Логинов, – именно поэтому их тексты будут жить – в отличие от текстов тех ученых мужей, которые смотрят на революцию взглядом испуганного обывателя, или тех, кто сознательно – в идеологических целях – раздувает миф о «потерянной исторической России» и якобы формировавшемся в царской России цивилизованном «правовом государстве». Последние если и войдут в историю, то только как духовные наследники главного героя повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» или карикатурного булгаковского профессора Преображенского, который в пылу демагогического разглагольствования поведал миру в лице собаки Шарика и доктора Борменталья выстраданную истину своей жизненной философии: «Городовой! Это и только это. И совершенно неважно – будет ли он с бляхой или же в красном кепи» [19].

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 138-140.
2. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.
3. Верещагин А. Расцвет и гибель юридического сословия Российской империи. Режим доступа: <https://legal.report/rascvet-i-gibel-yuridicheskogo-sosloviya-rossijskoj-imperii/> (дата обращения: 26.02.2023).
4. Верещагин А. Главные судьи Российской империи. Режим доступа: <https://legal.report/glavnye-sudi-rossijskoj-imperii/> (дата обращения: 26.02.2023).
5. Верещагин А. Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М.: Издательская группа «ЗАКОН», 2022. 616 с.
6. Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии контрреформ 80-90-х гг. в России // Российский юридический журнал. 2011. № 5(80). С. 209-215.
7. Fine B. Democracy and the rule of law. Liberal ideals and Marxist critiques. London and Sydney: Pluto Press, 1984; VIII, 341 p.
8. Picciotto S. The theory of state, class struggle and the rule of law. In P. Beirne & R. Quinney (Eds.), *Marxism and law*. New York: John Wiley & Sons, 1982; P. 169-180.
9. Horwitz M. J. The rule of law: An unqualified human good? *Yale Law Journal*. 1977;86(3);561-566.
10. Троицкий Н. А. За что я люблю народовольцев? Режим доступа: https://sceptis.net/library/id_719.html (дата обращения: 04. 03. 2023).
11. Соломко З. В. «Правый суд» в России конца XIX – начала XX века, или Миф об утраченной законности // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 46–59. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.24233
12. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высшая школа, 1999. 431 с.
13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
14. Краковский К. П., Соломко З. В. История суда и правосудия в России. Т. 5. М.: Норма, 2020. 696 с.

15. Краковский К. П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи». (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146-159.
16. Шаламов В. Золотая медаль // Шаламов В. Колымские тетради. М.: Эксмо, 2005. С. 234-263.
17. Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции. Режим доступа: https://kritikaprava.org/library/85/nravstvennoe_znachenie_oktyabrskoj_revolyutsii (дата обращения: 27.02.2023).
18. Мьевиль Ч. Октябрь. М.: Издательство «Э», 2017. 480 с.
19. Булгаков М. Собачье сердце. М.: РИПОЛ классик, 2021. 154 с.

References

1. Hegel G. V. F. Who thinks abstractly? *Questions of Philosophy*. 1956;(6):138-140. (In Russ.)
2. Ilyenkov E. V. *The dialectics of the abstract and the concrete in scientific-theoretical thinking*. Moscow: ROSSPEN; 1997. 464 p. (In Russ.)
3. Vereshchagin A. *The heyday and death of the legal estate of the Russian Empire*. Available from: <https://legal.report/rascvet-i-gibel-yuridicheskogo-sosloviya-rossijskoj-imperii/> (In Russ.)
4. Vereshchagin A. *Chief judges of the Russian Empire*. Available from: <https://legal.report/glavnye-sudi-rossijskoj-imperii/> (In Russ.)
5. Vereshchagin A. N. *The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire*. Moscow: Publishing Group «Law»; 2022. 616 p. (In Russ.)
6. Biyushkina N. I. To the question of the concept of counter-reforms in the 80-90s. in Russia. *Russian Legal Journal*. 2011;5(80):209-215. (In Russ.)
7. Fine B. *Democracy and the rule of law. Liberal ideals and Marxist critiques*. London and Sydney: Pluto Press; 1984. VIII, 341 p.
8. Picciotto S. The theory of state, class struggle and the rule of law. In P. Beirne & R. Quinney (Eds.), *Marxism and law*. New York: John Wiley & Sons; 1982. P. 169-180.
9. Horwitz M. J. The rule of law: an unqualified human good? *Yale Law Journal*. 1977; 86(3):561-566.
10. Troitsky N. A. *Why do I love the participants of «Narodnaya Volya»?* Available from: https://sceptis.net/library/id_719.html (In Russ.)
11. Solomko Z. V. Russian «righteous court» in the late 19th – early 20th century, or The myth of the lost legality. *Genesis: Historical Researches*. 2018;(1):46-59. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.24233 (In Russ.)
12. Troitsky N. A. *Russia in the 19th century: a course of lectures*. Moscow: Higher school; 1999. 431 p. (In Russ.)
13. Pipes R. *Russia under the old regime*. Moscow: Nezavisimaya gazeta; 1993. 427 p. (In Russ.)
14. Krakovsky K. P., Solomko Z. V. *The history of court and justice in Russia*. Vol. 5. Moscow: Norma, 2020; 696 p. (In Russ.)
15. Krakovskiy K. P. Reflections on the fate of the Court of Cassation in post-reform Russia, provoked by A. N. Vereshchagin's book «The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire» (Moscow: Publishing Group «Law», 2022. – 616 p.). *North Caucasian Legal Vestnik*. 2022;(4):146-159. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159
16. Shalamov V. Gold medal. In V. Shalamov, *Kolyma notebooks*. Moscow: Eksmo; 2005. P. 234-263. (In Russ.)
17. Lifshits M. A. *The moral significance of the October Revolution*. Available from: https://kritikaprava.org/library/85/nravstvennoe_znachenie_oktyabrskoj_revolyutsii (In Russ.)
18. Miéville Ch. *October*. Moscow: Publishing house «Э»; 2017. 480 p. (In Russ.)
19. Bulgakov M. *The heart of a dog*. Moscow: RIPOL classic; 2021. 154 p. (In Russ.)

Информация об авторе

З. В. Соломко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

Z. V. Solomko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power of the Russian Academy of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 14.03.2023.